

Кони Анатолий Федорович

Судебные уставы 1864 - 1914 г

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А64

А64 **Анатолий Федорович К.**
Судебные уставы 1864 - 1914 г / Кони Анатолий Федорович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-90136-9

ISBN 978-5-519-90136-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„пересмотрѣ“ почти вовсе утратить свою прежнюю дѣвственную чистоту... Но она дорога тѣмъ, кто провелъ съ нею всю жизнь, кто всегда смотрѣлъ на ея пожелтѣлыя листы съ чувствомъ нѣжнаго уваженія, смѣшаннаго подчасъ съ невольной тревогой, и кому она напоминаетъ о „битвахъ, гдѣ вмѣстѣ рубились они...“. И вотъ наступаетъ пятьдесятъ лѣтъ со времени ея изданія. Да будетъ же позволено одному изъ старыхъ обладателей этой старой книги вспомнить ея исторію....

Судебные Уставы были плодомъ возвышеннаго труда, проникнутаго сознаніемъ составителей о ихъ отвѣтственности предъ Россіей, жаждавшей осуществленія правосудія въ его дѣйствительномъ значеніи. Это былъ трудъ сложный, самостоятельный и многосторонній, въ одно и то же время критическій и созидательный,—трудъ, исполненный довѣрія къ духовнымъ силамъ русскаго народа и къ его способности пріять новыя учрежденія съ живымъ сочувствіемъ и непосредственно въ нихъ участвовать.

Нашъ старый судъ, рѣшительная отмѣна котораго была возвѣщена Судебными Уставами, являясь отрицаніемъ свободы внутренняго убѣжденія, представлялъ въ законодательномъ своемъ начертаніи и въ практической дѣятельности безотрадную картину, оправдывавшую негодующія слова Хомякова о томъ, что Россія „въ судахъ черна неправдой черной“. Законной опорой этого суда являлись вторыя части X и XV томовъ Свода законовъ—безсвязное собраніе самыхъ разнородныхъ и разновременныхъ постановленій, механически сливавшихся воедино статьи уложенія царя Алексѣя Михайловича, указы Петра и, какъ выразился въ 1835 году Государственный Совѣтъ, „виды правительства“, обнародованные въ 1784, 1796—1809 и 1823 годахъ. Этотъ судъ существовалъ для *немногихъ* и за *немногое*. Лишь крайнія нарушенія условій общегитія, въ которыхъ предписанія закона сливались съ велѣніями заповѣдей, да и то не всѣхъ, влекли за собой общій для всѣхъ судъ. Все остальное для цѣлой массы населенія разбиралось спеціальными сословными и вѣдомственными су-

дами, границы подсудности которых далеко не всегда были ясны. Въ особенности широкое примѣненіе имѣлъ судъ чиновъ полиціи и помѣщиковъ, при которомъ понятіе о судебномъ разбирательствѣ неизбѣжно переходило въ понятіе о расправѣ. Лишь при совершеніи крѣпостными важнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, владѣлецъ „душъ“ былъ безусловно обязанъ обращаться къ общему суду въ лицѣ уѣзднаго суда и уголовной палаты. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, когда крѣпостному приписывалась вина противъ помѣщика, его семейства и управляющаго, его крестьянъ и дворовыхъ или даже постороннихъ, обратившихся къ заступничеству помѣщика, существовало право безконтрольнаго домашняго суда и взысканія. Если, однако, при этомъ вина представлялась особо важной или мѣры взысканія „домашняго изобрѣтенія“ оказывались мало успѣшными, то провинившіеся отсылались въ смиренныя или рабочіе дома, а также и въ арестантскія роты на срокъ (до 1846 года), самымъ владѣльцемъ опредѣленный. Если же помѣщику или (до 1854 года) его управляющему это наказаніе казалось слишкомъ малымъ, то къ ихъ услугамъ было право отдачи несовершеннолѣтнихъ крестьянъ въ кантонисты, а болѣе взрослыхъ въ рекруты, или препровожденія ихъ „въ распоряженіе губернскаго правленія“, которое, „не входя ни въ какое разысканіе о причинахъ негодованія помѣщика“, ссылало представленнаго въ Сибирь въ сопровожденіи жены и дѣтей, не достигшихъ: „мальчики—пяти лѣтъ, а дѣвочки—десяти лѣтъ“. Ближайшую къ городскому населенію инстанцію суда представлялъ собою по большей части квартальный надзиратель и его непосредственное начальство. Ими учинялось разбирательство по маловажнымъ дѣламъ. Общіе суды считались коллегіальными, но самъ законъ допускалъ такой составъ присутствія (въ магистратахъ и ратушахъ), въ которомъ всѣ судьи были неграмотные, и возлагалъ на секретаря изложеніе рѣшенія такихъ судей. Въ дѣйствительности дѣла почти никогда не докладывались даже и въ уѣздныхъ судахъ, гдѣ большая часть членовъ были малограмотные или и вовсе неграмотные. Въ судахъ второй сте-

пени дѣло тоже обыкновенно рѣшалось безъ доклада, однимъ товарищемъ предсѣдателя,—единственнымъ членомъ, назначаемымъ отъ правительства, всѣ же прочіе члены, за исключеніемъ иногда предсѣдателя, только подписывали заготовленное заранее рѣшеніе участи подсудимаго, совершенно имъ невѣдомаго. А между тѣмъ законъ предоставлялъ такому суду право опредѣлять наказаніе по своему усмотрѣнію, не установивъ ни высшаго предѣла лѣтъ каторжной работы, ни числа ударовъ кнутомъ или плетью.

Перо художника и юморъ бытописателя оставили незабвенные образы типическихъ судей этого времени. Гоголь и Иванъ Аксаковъ, Салтыковъ-Щедринъ и Горбуновъ нарисовали картины отправленія правосудія, правдоподобность которыхъ подтверждается серьезными изслѣдователями и очевидцами, каковы, напримѣръ, Ровинскій, Стояновскій и др. Излишне говорить, что при низкомъ уровнѣ судей и вліятельномъ положеніи секретаря, а также при безконтрольномъ усмотрѣніи органовъ мѣстной полицейской власти, отсутствіе при судебномъ разбирательствѣ „корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ“ составляло скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило. Недаромъ одинъ изъ описывающихъ дѣятельность квартальнаго надзирателя,—котораго московскіе обыватели обыкновенно называли комиссаромъ,—приводилъ слова будто бы подлинной, но во всякомъ случаѣ характерной рукописи: „Не Богъ сотвори комиссара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны, воеже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую“. И высшій судъ—Сенатъ—тоже не былъ богатъ людьми просвѣщенными и, въ особенности, получившими юридическое образованіе. При господствѣ канцеляріи знаменитая „практическая опытность“ въ дѣлахъ, т. е. рутинная и въ то же время изворотливая техника, облеченная въ отяготительное многословіе, замѣняла собою правильныя понятія о духѣ и цѣляхъ закона. Такъ, напримѣръ, въ пачалѣ сороковыхъ годовъ въ семи петербургскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената оказалось всего *шесть* человѣкъ, получившихъ высшее образованіе. Главная пружина дѣятельности общихъ судовъ—секретарь, отъ котораго въ

огромномъ большинствѣ случаевъ зависѣлъ исходъ дѣла, отличался нерѣдко отъ „начертаннаго бѣсомъ“ комиссара лишь бѣльшимъ внѣшнимъ достоинствомъ манеръ, да навыкомъ въ законахъ и умѣлою готовностью „подбирать ихъ масть къ масти“, о чемъ ему укорительно, но безсильно, напоминалъ указъ Петра Великаго, вставленный въ зеркало. Такимъ образомъ, если печальная дѣйствительность вызвала, въ свое время, у Императора Николая Павловича горестное признаніе, что „Россія управляется *столоначальниками*“, то можно безъ преувеличенія сказать, что въ это же самое время „Россія судилась *секретарями*“. Канцелярская тайна, безчисленные отписки и допускаемая самимъ закономъ плодовитость въ возбужденіи частныхъ производствъ, возвращавшихъ дѣло почти-что къ его первоисточнику, были атрибутами судебного производства и влекли за собою медленность и волокиту, достигавшія иногда поразительныхъ размѣровъ. Достаточно указать хотя бы на дѣло о кражѣ изъ Московскаго уѣзднаго казначейства мѣдной монеты на сто пятнадцать тысячъ рублей, возникшее въ 1844 году и оконченное лишь въ 1865 г., т. е. черезъ 21 годъ, или на знаменитое гражданское дѣло Баташевыхъ, медленность производства по которому вызвала, вслѣдствіе Высочайшей резолюціи, первые шаги по пути судебной реформы.

Матеріаломъ для уголовного суда такого устройства и состава служило слѣдствіе, производимое полиціей. Безотчетный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы, напрасное производство обысковъ, отсутствіе яснаго сознанія о дѣйствительномъ составѣ преступленія, неумѣлость и нерѣдко желаніе „покориться“, „выслужиться“ или „отличиться“ были характерными признаками производства такихъ слѣдствій, при чемъ въ виду того, что собственное признаніе обвиняемаго считалось закономъ за „лучшее доказательство всего свѣта“, бывали случаи добыванія его истязаніями и пріемами замаскированной пытки. Слѣдственное производство поступало затѣмъ въ судъ и подлежало разсмотрѣнію и разрѣшенію въ строгихъ и узкихъ рамкахъ правилъ о *формальныхъ доказательствахъ*, въ силу которыхъ законъ требовалъ отъ судьи при-

знанія виновности лишь при *совершенныхъ* доказательствахъ. По отношенію къ главному изъ доказательствъ вообще, т. е. къ показаніямъ свидѣтелей, было принято закономъ, что показанія по отношенію къ устанавливаемому ими обстоятельству не имѣютъ силы совершенныхъ доказательствъ, если не даны подѣ присягой и притомъ двумя свидѣтелями, буде только одинъ изъ послѣднихъ не мать или отецъ, показывающіе противъ своихъ дѣтей. Когда судья встрѣчался съ искреннимъ и правдивымъ показаніемъ, законъ говорилъ ему, что оно не идетъ въ счетъ, если свидѣтель признанъ по суду „явнымъ прелюбодѣемъ“ или „портившимъ тайно межевые знаки“ или оказывается иностранцемъ, „поведеніе котораго неизвѣстно“, и вслѣдствіе этихъ своихъ „качествъ“ не можетъ быть допущенъ до присяги. Но и по отношенію къ показаніямъ, даннымъ подѣ присягою, законъ предписывалъ давать предпочтеніе показанію знатнаго предѣ незнатнымъ, духовнаго предѣ свѣтскимъ, мужчины предѣ женщиной, ученаго предѣ неученымъ. Если, наконецъ, судья находилъ, что, несмотря на отсутствіе совершенныхъ доказательствъ, есть рядъ уликъ, которыя приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію въ виновности подсудимаго, совершившаго мрачное дѣло и ловко спрятавшаго особенно выдающіеся концы въ воду, то секретарь имѣлъ право представить ему „съ должной благопристойностью“ о томъ, что его разсужденія не согласны съ законами и что подсудимаго необходимо оставить только въ *подозрѣніи* или дать ему для очищенія *подозрѣнія* возможность принести присягу. Эта система, связывая убѣжденіе судьи и внося въ его работу элементъ бездушнаго механизма, создавала уголовный судъ, безсильный въ рядѣ случаевъ покарать дѣйствительно виновнаго, но достаточно могущественный, чтобы разбить личную жизнь человѣка сліяніемъ безконтрольнаго возбужденія преслѣдованія воедино съ преданіемъ суду и оставленіемъ невиннаго въ *подозрѣніи*, что заставляло его болѣзненно переживать стыдъ, который ни разъяснить, ни сбросить съ себя нельзя. Подѣ покровомъ этой системы вершались иногда уголовныя дѣла, содержаніе которыхъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, волнуетъ при

знакомствѣ съ ними и глубоко оскорбляетъ чувство справедливости. Она предоставляла судѣ лишь одну возможность: при отсутствіи собственнаго признанія подсудимаго и двухъ присяжныхъ свидѣтелей, оставлять виновнаго въ *сильномъ подозрѣніи* въ тѣхъ случаяхъ, когда подсовываемый секретаремъ приговоръ объ освобожденіи обвиняемаго отъ суда и слѣдствія смущалъ совѣсть, связанную формальностями.

Пересмотръ состоявшихся приговоровъ, значительная часть которыхъ подлежала утвержденію начальника губерніи, совершался въ двойномъ порядкѣ: *апелляціонномъ*—для дѣлъ меньшей важности, но подсудныхъ общимъ судамъ, и *ревізійномъ*—для дѣлъ, связанныхъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или съ потерей всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Въ апелляціонномъ порядкѣ дѣло могло и даже должно было тянуться многіе годы, такъ какъ, докатившись, наконецъ, до Сената, оно изъ Департамента, которому было подсудно за разногласіемъ, проходило въ Общее Собраніе Сената, откуда, при отсутствіи двухъ третей голосовъ въ пользу того или другого рѣшенія, шло въ Консультанцію Министерства Юстиціи и снова возвращалось въ Общее Собраніе, откуда обыкновенно поступало въ Государственный Совѣтъ со всею сложной старой организаціей послѣдняго. Въ порядкѣ ревізійномъ дѣла о подсудимыхъ, не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, поступали, въ силу закона, независимо отъ жалобъ, на окончательное рѣшеніе уголовной палаты, а о лицахъ высшихъ сословій, приговоренныхъ уголовными палатами,—въ Сенатъ, гдѣ слѣдовали обще-установленнымъ ходомъ производства. Для огражденія „прочности правосудія“ существовала статья 116 второй части XV т. Св. зак., разъясненная въ 1835 году Государственнымъ Совѣтомъ въ томъ смыслѣ, что уголовный арестантъ на приговоръ, по коему онъ понесетъ наказаніе и отправленъ въ ссылку, можетъ приносить жалобу установленнымъ въ законахъ порядкомъ не прежде, какъ по достиженіи мѣста каторжной работы или поселенія, которое по окончательному распоряженію для него предназначено. Понесеніе наказанія, на которое предоставлялось приносить жалобу лишь съ мѣста

назначенія, доходило, независимо отъ лишенія правъ состоянія и обращенія въ каторжныя работы, до ста ударовъ плетью черезъ палачей съ наложеніемъ клеймъ, которыхъ, конечно, никакое дальнѣйшее признаніе невинности осужденнаго вытравить уже было не въ состояніи.

Таковы были условія отправленія правосудія, обрекавшія населеніе на судебную волокиту по множеству инстанцій и представлявшія полное смѣшеніе административной и судебной властей. Къ нимъ можно было по справедливости примѣнить китайскую пословицу, говорящую: „муха можетъ затянуть тебя въ судъ, но десять паръ воловъ едва-ли тебя оттуда вытащатъ“.—Произвольно и случайно, безъ законнаго повода, начатое слѣдствіе обыкновенно влекло за собою по отношенію къ лицамъ непривилегированнымъ лишеніе свободы въ помѣщеніяхъ, чуждыхъ элементарнымъ условіямъ правильнаго тюремнаго устройства. А затѣмъ надъ привлеченнымъ начиналъ громоздиться ворохъ невѣдомыхъ ему протоколовъ слѣдствія, и до конца суда, производимаго въ канцелярской тайнѣ, безъ непосредственнаго знакомства не только со свидѣтелями по дѣлу, но и съ самимъ подсудимымъ, послѣдній не зналъ объ ожидавшей его участи. Эта участь рѣшалась приговоромъ связанныхъ въ своемъ сужденіи судей, не имѣвшихъ ни права, ни возможности доискиваться въ дѣлѣ *не приказной*, а доступной вообще человѣческому пониманію правды. Не лучше былъ и судъ гражданскій, гдѣ облеченная въ окаменѣлыя формы письменность загромождала основную и правильную почву для спора о правѣ и гдѣ особенно бывалъ заинтересованъ чуткій и изворотливый секретарь-докладчикъ. Еще въ 1857 году Побѣдоносцевъ писалъ о немъ: „формы его несовершенны, дѣйствіе его не вѣрно и медленно, на всякомъ шагу встрѣчается въ немъ неправда матеріальная подъ ложнымъ видомъ правды формальной, и господство мертваго обряда вытѣсняетъ изъ него живой духъ правды законной“.

Великія реформы Александра II не могли не коснуться описываемыхъ органовъ и порядковъ отправленія правосудія. Судебная реформа была тѣсно связана съ освобожде-

ніемъ крестьянъ. Она вытекала изъ него непосредственно. Уничтожался домашній вотчинный судъ для многихъ милліоновъ дотолѣ безправныхъ людей. Они должны были явиться не только носителями гражданскихъ правъ, но и непосредственными защитниками этихъ своихъ правъ на судѣ. Судъ расширялся, терялъ свой сословный характеръ. Но, расширяясь, онъ не могъ быть заключенъ въ прежнія, обветшалыя, узкія рамки. Ихъ единодушно осуждало общественное мнѣніе, онѣ слишкомъ долго заслоняли и заглушали собою идею правосудія, ставя на мѣсто его условное и столь часто произвольное примѣненіе закона. Если по отношенію къ освобожденію крестьянъ, подъ внѣшнею готовностью, существовало большое внутреннее разногласіе,—если отдѣльныя группы, отдѣльные слои общества сомнѣвались еще въ своевременности и правомѣрности крестьянской реформы въ томъ видѣ, въ какомъ она была намѣчена, то по отношенію къ суду всѣ были согласны между собою. Всѣ сословія, безъ различія, чувствовали на себѣ его недостатки, и каждый, кому приходилось съ нимъ соприкасаться, выносилъ изъ него болѣе или менѣе удручающее впечатлѣніе. Обидчикъ и обиженный одинаково не вѣрили, чтобы по отношенію къ нимъ творилась не только *расправа*, но и *судъ*, истецъ и отвѣтчикъ одинаково страдали отъ старой „московской волокиты“, облеченной въ лишенные внутренняго содержанія канцелярскія формы.

Необходимость измѣненія судебныхъ порядковъ чувствовалась всѣми, но не находила себѣ при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ опредѣленнаго внѣшняго выраженія. Въ законодательныя сферы сознаніе этой необходимости проникло однако довольно рано. Въ то время, когда въ нѣкоторыхъ университетахъ еще читались лекціи о совершенствахъ нашего судебного устройства и о превратности устройства французскаго, а ученая юридическая литература была вынуждена стоять на исключительной и притомъ узкой исторической почвѣ,—понемногу шли работы по судебному преобразованію, и принимались мѣры къ улучшенію существующаго суда. Но работы эти двигались медленно и въ тѣсныхъ предѣлахъ видоизмѣненія существующихъ учрежденій, не ка-

саясь ихъ основныхъ началъ,—а мѣры были мѣрами палліативными. Главнѣйшая изъ нихъ—учрежденіе товарищей предсѣдателей палатъ гражданскаго и уголовнаго суда, назначаемыхъ отъ правительства, не достигала своей цѣли. Товарищи предсѣдателя приносили съ собою энергію, любовь къ дѣлу и добросовѣстность. Но энергія гасла въ мертвящей обстановкѣ, гдѣ ей приходилось постоянно разбиваться о формальности, затруднявшія доступъ къ живому существу дѣла, а серьезная любовь къ дѣлу была каплею въ морѣ совершенно противоположныхъ проявленій. Притомъ низшіе суды, стоявшіе ближе къ народу, не знали товарищей предсѣдателя.

Законодательное оживленіе конца 50-хъ годовъ быстро двинуло работы по судебному преобразованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, старый судебный строй пошелъ на уступки. Въ немъ сдѣланы были пробоины, чрезъ которыя проникли въ него новыя, чуждыя ему дотолѣ, начала. Полицейскій розыскъ былъ отдѣленъ отъ судебного изслѣдованія. Вмѣсто прежнихъ полицейскихъ чиновъ, которые клали фундаментъ всякому уголовному дѣлу, явились судебные слѣдователи. Затѣмъ и двери стараго суда отворились для публики. На ряду съ просителемъ, который одинъ имѣлъ доступъ въ судъ, возникъ „слушатель и зритель“ того, что дѣлается въ судѣ. Но и слѣдователи и гласность уже не удовлетворяли ясно выразившейся потребности въ новыхъ приѣмахъ отправленія правосудія. Примѣняя къ условіямъ стараго суда новыя начала, приходилось ихъ ограничивать, подгонять, урѣзывать,—и они не достигали цѣли. Новое вино вливалось въ старые мѣха и вливалось притомъ въ слишкомъ ограниченномъ количествѣ. Слѣдователь не былъ достаточно самостоятеленъ. Подчиненный прямо уѣздному суду—и косвенно губернскому прокурору и губернатору, онъ былъ въ значительной степени связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не зналъ иногда, въ чемъ найти опору. Уѣздный судъ не могъ ему помочь руководствомъ, не имѣя силы да и умѣнья поддержать и защитить его своимъ авторитетомъ. Сознаніе того, что самымъ тщательнымъ образомъ произведенное слѣдствіе выцвѣтеть и утра-

титъ свои живыя краски въ тискахъ формальныхъ доказательствъ, которыми исключительно жилъ и мыслилъ старый судъ, уничтожало интересъ дѣятельности слѣдователя, а зависимость, въ связи съ крайне ограниченнымъ содержаніемъ, неспособна была создать единый по своему образованію и нравственному развитію персоналъ слѣдователей. Двери суда были открыты для публики только наполовину. Присутствіе постороннихъ допускалось лишь при докладѣ дѣла, а докладъ не давалъ возможности взглянуть въ тотъ живой матеріалъ, о которомъ въ немъ говорилось, такъ какъ судъ и самъ не изучалъ этотъ матеріалъ, производя въ сущности не разборъ дѣла въ его реальной обстановкѣ, а лишь разборъ содержанія бумагъ, имѣющихся въ дѣлѣ. Канцелярская тайна понемногу уступала мѣсто гласности,—но, уходя, оставляла за собою, какъ надежный щитъ и охрану, письменность производства.

Составители Судебныхъ Уставовъ понимали, что необходима коренная реформа, что, какъ ни подпирать, чинить и штукатурить старое зданіе, а все-таки въ немъ долго прожить будетъ невозможно. Надо было совершенно изъ него выселиться—и на новомъ мѣстѣ строго размежеваться съ сосѣдями, заведя свое собственное независимое хозяйство. Лучшіе люди науки и практики, составители Уставовъ, смѣло взглянули на предстоявшую имъ задачу. Ихъ не напугали ни ея сложность, ни ея совершенная новизна. Они прислушивались къ голосамъ, которые рекомендовали среднія мѣры въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ новыхъ вставокъ въ старый судъ или которые пророчили, что для вводимыхъ „новшествъ“ не найдется людей,—но они не поддавались вліянію этихъ голосовъ. Опытъ введенія крестьянской реформы, нашедшей для своего примѣненія безкорыстныхъ и знающихъ дѣятелей, опытъ Западной Европы, путемъ долгихъ и тревожныхъ колебаній дошедшей до тѣхъ формъ суда, которыя у насъ могли явиться результатомъ спокойной законодательной дѣятельности,—былъ за нихъ.

Для будущаго историка Судебныхъ Уставовъ будетъ чрезвычайно интересно прослѣдить по работамъ, подготовлявшимъ